

Религиоведение. 2020. № 3. С. 5–18.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2020. No. 3. P. 5–18.

DOI: 10.22250/2072-8662.2020.3.5-18

Емельянов В.В.

*Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 9/11
banshur69@gmail.com.*

Б.А. Тураев и борьба за шумерологию в русской науке начала XX века

Аннотация. Статья посвящена исследованию обстоятельств возникновения шумерологии в России по материалам личных архивов Б.А. Тураева и П.К. Коковцова. Установлено, что: а) Тураев, изучавший ассириологию в Берлине, был первым российским шумерологом и всячески поддерживал В.К. Шилейко в его стремлении заниматься историей и религией шумеров; б) “отец русской ассириологии” М.В. Никольский в начале века сомневался в существовании шумеров и был готов примкнуть к позиции И. Галеви и Коковцова, считавших шумерское письмо аллографией вавилонских жрецов; в) вместе с Шилейко ассириологией занимался будущий коптолог П.В. Ернштедт, который был вынужден отойти от занятий клинописью в результате плохо продуманной Коковцовым программы обучения; г) именно Никольский рекомендовал первые статьи Шилейко по истории шумеров в европейские издания; д) вся история российской ассириологии могла бы пойти иначе, если бы Никольский в 1908 г., несмотря на недовольство Коковцова, был избран профессором Петербургского университета. Впервые опубликован проект Коковцова, в котором развитие ассириологии поставлено в зависимость от политических успехов России в Первой мировой войне. Показано, что шумерология появилась в России только благодаря наличию коллекции Н.П. Лихачева и упорству Шилейко, не побоявшегося вступить в конфликт с Коковцовым ради достижения научной истины.

Ключевые слова: шумеры, ассириология, Б.А. Тураев, П.К. Коковцов, В.К. Шилейко, М.В. Никольский

Vladimir V. Emelianov

*St. Petersburg State University
Universitetskaya naberezhnaya 9/11, St. Petersburg, Russia
banshur69@gmail.com.*

B.A. Turaev and the Struggle for Sumerology in Russian Scholarship at the Beginning of the 20th Century

Abstract. The article studies the circumstances of the emergence of Sumerology in Russia based on the personal archives of B.A. Turaev and P.K. Kokovtsov. It was stated that: a) Turaev, who studied Assyriology in Berlin, was the first Russian Sumerologist and strongly supported W.G. Schileico in his desire to study the history and religion of the Sumerians; b) the “father of Russian Assyriology” M.V. Nikolsky at the beginning of the century doubted the existence of the Sumerians and was ready to side with the position of J. Halévy and Kokovtsov, who considered the Sumerian writing to be an allography of the Babylonian priests; c) together with Schileico, the future coptologist P.V. Jernstedt was engaged in Assyriology, who was forced to withdraw from cuneiform classes as a result of a poorly thought out training program by Kokovtsov; d) it was Nikolsky who recommended the first articles by Schileico on the history of the Sumerians to European journals; e) the whole history of Russian Assyriology could have gone differently if Nikolsky in 1908, despite Kokovtsov’s discontent, had been elected professor at St. Petersburg University. For the first time, Kokovtsov’s project was published, in which the development of Assyriology was made dependent on Russia’s political successes in the First World War. It is shown that Sumerology appeared in Russia only due to the presence of the collection of N.P. Likhachev and the persistence of Shileico, who was not afraid to enter into conflict with Kokovtsov in order to achieve scientific truth.

Key words: Sumerians, Assyriology, B.A. Turaev, P.K. Kokovtsov, W.G. Schileico, M.V. Nikolsky

В ряде предыдущих публикаций мы впервые подробно рассмотрели вклад российских ассириологов в исследование религии шумеров [Емельянов, 2016; Емельянов, 2017а; Емельянов, 2017б; Емельянов, 2018; Емельянов, 2019]. Однако обстоятельства, при которых происходило это исследование, ещё не становились предметом научных изысканий. Между тем, это немаловажный аспект религиоведческой работы. Для того, чтобы обнаружить факты из истории религии, следовало прочесть множество глиняных табличек. А чтобы читать таблички по-шумерски, нужно было обладать не только высокой квалификацией ассириолога, но и отчаянной смелостью, позволяющей защищать существование самих шумеров и шумерского языка. Данная статья основана на данных личных архивов. Эти данные демонстрируют, сколь непростыми были взаимоотношения четырёх специалистов по древней Месопотамии в начале прошлого века и как сильно отличались их научные позиции.

Разговор о начале шумерологии в России должен начаться с Б.А. Тураева. Казалось бы, это странное утверждение, поскольку первые российские ассириологические публикации принадлежат перу В.С. Голенищева [Golénisheff, 1891]. Однако египтолог Голенищев только публиковал аккадские тексты и не интересовался общими вопросами ассириологии, в том числе и вопросом происхождения шумеров. А Б.А. Тураев был единственным за всю историю российской науки студентом, прошедшим стажировку в западном университете в области ассириологии, и это позволяло ему углубляться в теоретические вопросы данной дисциплины. Ни один из корифеев ассириологии (М.В. Никольский, В.К. Шилейко, А.П. Рифтин, И.М. Дьяконов, М.А. Дандамаев) не был генеалогически связан с западной университетской традицией, т.е. не являлся непосредственным учеником западного профессора. Между тем, ставший египтологом Тураев во время своей годичной стажировки в Берлине (1893–1894) активно посещал лекции ведущих ассириологов и шумерологов Германии, о чём оставил краткий отчёт по прибытии в Россию. В отчёте он писал: «Что касается моих занятий ассириологией, то, согласно данной мне факультетом инструкции, я старался слушать, по возможности, все курсы, не исключая и начального. Таким образом, в первый семестр я занимался у проф. Шрадера и Винклера. Отец германской ассириологии, сообщивший ей научный характер и много сделавший для исторической разработки клинописи, является уже теперь заходящим светилом. Впрочем, занятия у него очень полезны для начинающих, так как он не имеет свойственной другим учёным привычки торопиться, оставляя многое не разъяснённым. Это особенно вредно в таком языке, как ассирио-вавилонский, в котором все наши сведения шатки. Лингвистические курсы его состояли: 1) в летнем семестре из чтения некоторых надписей Ассурназирабала и новооткрытой надписи Ассаргадона <...>; 2) зимой Шрадер читал сначала сумерийскую грамматику и руководил занятиями по чтению избранных сумерийских текстов и лингвистических надписей царей урских, касситских и царя Шамашшумукина. Изложение грамматики было несколько устаревшим <...>. Что касается лингвистических курсов Винклера, то они, кроме курса грамматики, состояли: а) из объяснения нововавилонских текстов Ассурбанипала, Навуходоносора, Набонида; б) из чтения поэтических текстов: избранных гимнов, VI песни эпоса Гильгамиша, сказания о сходе в ад Истары. В понимании двух последних текстов лектор ушёл немногим дальше Иеремиаса; неясные места не получили разъяснения, напротив, скептический учёный подверг сомнению и многое из того, что для последнего казалось понятным; с) из чтения депеш, помещённых в IVR 45. Чтение этих документов представляет ещё большие трудности, но ознакомление с ним для историка в высшей степени полезно. В данном случае оно имело особенное значение, как переход к чтению Телль-эль-Амарны, объявленному на летний семестр <...>. С зимнего семестра 1893–1894 года выступил в Берлинском университете молодой, но уже давно известный ассириолог доктор К. Леман <...>. Действительно, между здешними ориенталистами он более других приближается к настоящему понятию историка, а потому его курс вавилоно-ассирийской истории и служивший к нему дополнением археологический курс в Музее были полны глубокого интереса и сообщали немало новых взглядов. Остроумие, широта мысли, прекрасное знание классиков и умение извлекать из них ценные данные, строгая, но свободная от крайности критичность, отсутствие предвзятых

мыслей, этого бича многих ориенталистов, – вот характеристические черты этого учёного, от которого наука вправе ожидать ещё очень многого. Уже теперь она обязана ему выяснением самого тёмного периода вавилонской истории – древнейших городских царств и блестящим опровержением анти-сумеристов» [Тураев, 1894, 20–24].

Документы из архива Тураева, хранящегося в Эрмитаже, подтверждают информацию его отчёта. Мы находим в нём следующие материалы:

АГЭ. Ф. 10. Оп. 1.

Д. 91. Парадигмы аккадского языка и новоассирийская клинопись. Карандаш.

Д. 86. Записная книжка. Надпись Тиглатпаласара 1. С. 30–32. Шумерская грамматика и надписи из Ура.

Д. 89. Записная книжка. Письма из Телль-Амарны. Перевод с аккадского на русский. Карандаш.

Д. 93. Записная книжка Тураева. Берлинский университет 1893–1894 гг. Конспекты на русском языке: Шрадер. Лекции по вавилонским древностям (1–20), Леман. История Вавилона и Ассирии (21–37).

Из обнаруженных в архиве материалов следует, что за год стажировки студент Тураев научился хорошо читать клинописные тексты на всех основных диалектах аккадского языка и даже на периферийном ханаанском диалекте, на котором составлены письма из Телль-эль-Амарны. Он также прошёл начальный курс шумерского языка и читал небольшие царские надписи из Ура. Кроме того, он слушал углублённые курсы по истории и культуре древней Месопотамии. Конспекты этих курсов впоследствии помогли ему при написании месопотамских разделов в «Истории древнего Востока».

Такая серьёзная подготовка и такие солидные научные контакты должны были неизбежно привести к тому, что в области ассириологии Тураев заявит о себе и как профессионал, и как опытный полемист. Ведь молодой учёный к моменту отъезда из Берлина разбирался не только в клинописных текстах, но и в полемике между сторонниками существования шумеров и их оппонентами. В начале прошлого столетия ассириология в России была уделом либо египтологов (В.С. Голенищев), либо семитологов (М.В. Никольский, П.К. Коковцов). Если Голенищев отстранился от вопроса о шумерах, то Коковцов и, поначалу, Никольский стояли на позициях И. Галеви и считали шумерский язык аллографией вавилонских жрецов¹.

В частности, Никольский, впоследствии опубликовавший двухтомное издание шумерских текстов разных эпох, в самом начале века высказывался о шумерах весьма скептически: «Надобно сначала решить вопрос, что древнее, курица или яйцо, т.е. сумерийцы ли заимствовали у семитов или последние у сумерийцев, а ещё роится другой вопрос, да были ли ещё сумерийцы. Погружаясь всё глубже в гуцу сумеризма, я всё более теряю почву под ногами: сумерийские идеограммы и их странные комбинации мне всё более представляются каким-то искусственным механизмом, лишённым свойств живого организма. Для меня они получают жизнь только тогда, когда я устанавливаю их семитские эквиваленты, без превращения же сумеризма в семитизмы приходится иметь дело с какими-то знаками или символами чего-то живого, а не с самою живою индивидуальностью» (письмо П.К. Коковцову 1905 г. б. д.) [СПб АРАН. Ф. 779. Оп. 2. Д. 297. Л. 39 об.]. В другом письме тому же адресату Никольский ещё более откровенен: решив, что шумеро-аккадские соответствия типа $E_2.GAL = ekallu$ «дворец» – это идеографическое и фонетическое чтение одного семитского слова, он пишет: «Галеви, пожалуй, прав, называя подобные сумерийские формы ребусами для ассирийских слов» (от 1 июня 1905 г.) [СПб АРАН. Ф. 779. Оп. 2. Д. 297. Л. 31; Емельянов, 2019, 125]. Не высказывая своего мнения открыто и не споря ни с кем персонально, Тураев опубликовал серьёзное исследование, в котором подтвердил, что признаёт существование шумеров и шумерского языка (статья «О двух клинописных табличках музея церковно-археологического общества при Киевской Духовной академии», 1901 г.). Тураев обнаружил в числе артефактов, купленных в Палестине иеродиаконотом Ювеналием и привезённых им в Киев, две клинописные таблички, которые безошибочно датировал эпохой III династии Ура (тогда её ещё называли II династией). Таблички по запросу Тураева были доставлены в

Петербург. Оба текста относились к числу хозяйственных. Однако, если первая табличка содержала сведения о выплате рационов в ячменном зерне, то вторая должна была говорить о числе жертв к празднику в честь бога Думузи. Тураев смело прочёл оба текста по-шумерски и написал: «Транскрипция, данная мною, имеет основание только при предположении, что таблички времён конца династии Ура надо считать написанными по-сумерийски, что, вероятно, и на самом деле было так. Если цари Ура в это время и могли быть семитами, то в Ширпурле-Лагаше сумеризм продолжал ещё процветать и наши таблички не дают никакого основания представлять дело иначе» [Тураев, 1901, 13]. Таким образом, именно Тураев стал первым русским шумерологом и историком шумерской религии. К сожалению, опубликованные им в фотографиях таблички впоследствии исчезли и теперь увидеть их можно только в статье.

Однако статья по шумерологии, оказавшаяся первой в русской науке, была для Тураева только эпизодом. Большую часть своих сил он отдавал египтологии, эфиопистике и курсу по истории древнего Востока. В дальнейшем учёный к ассириологии не возвращался. Тем не менее, Тураев продолжал следить за ситуацией вокруг ассириологии и шумерского вопроса и старался поощрять своих коллег, в том числе и административно. Осенью 1908 г. Тураев рекомендует шумеролога М.В. Никольского, не имевшего никакой учёной степени, к избранию доктором всеобщей истории *honoris causa*. После этого он получает от Коковцова письмо следующего содержания²:

12. II. 1908

Дорогой Борис Александрович!

*С большим удовольствием узнал из Вашего письма о готовности Историко-Филологического факультета, всегда умевшего достойным образом ценить научные заслуги учёных тружеников, почтить, по Вашей инициативе, уважаемого М.В. Никольского званием почётного доктора. Мне будет очень приятно своим присутствием, если оно желательно, поддержать в заседании Факультета, в качестве начинающего ассириолога, Ваше соответствующее предложение. Я уверен, — или хочу верить — что это избрание М.В. Никольского, уже знакомого с ходом моих ассириологических занятий, не явится *casus belli* между мною и им, поскольку оно могло бы служить препятствием к осуществлению моего намерения выступить в самом ближайшем будущем преподавателем ассириологии в нашем университете. Как прямой человек, я считаю нужным откровенно высказать, что, если тайная цель избрания М.В. Никольского в доктора всеобщей истории заключается в создании ему учёного ценза, дающего право преподавания в Университете, в частности преподавания ассириологии, то мне будет крайне тяжело принимать какое бы то ни было участие в этом избрании, непосредственно направленном против меня. Само собою разумеется, что выступление М.В. Никольского как преподавателя ассириологии в нашем Университете не может мне помешать выступить с параллельным и конкурирующим курсом по тому же предмету и мне придётся, конечно, *volens-nolens* так поступить для осуществления своего старинного намерения, руководясь тем соображением, что ассириолог должен быть также семитологом, но мне тяжело будет на это решиться, так как это будет первым шагом на пути к разрыву наших, как казалось мне, дружеских отношений с М.В. Никольским. Я считал нужным, во избежание всяких дальнейших недоразумений по этому поводу, предварительно поделиться с Вами некоторыми своими опасениями относительно столкновения моего с М.В. Никольским на поприще преподавательской деятельности, возможности весьма вероятной в виду моего неизменного намерения объявить в скором времени курс ассириологии, к которому я уже несколько лет готовлюсь. Позвольте надеяться, что Вы примете всё вышесказанное в соображение, прежде чем факультет обратится ко мне с предложением, о котором идёт речь.*

Искренне уважающий Вас

П. Коковцов

[АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 199. Л. 7–8].

Тураев явно не ожидал такой атаки и отвечал немедленно:

13.11.1908

Дорогой Павел Константинович!

Начиная дело о М.В. Никольском, я совершенно не имел в виду никаких личных отношений, а тем более создание какого-то учёного ценза для человека, одной ногой стоящего в могиле и, конечно, ни о какой профессуре не помышляющего. Да и профессуры-то у нас нет; приват-доцентом он мог быть давно (по параграфу 109 б. Университетского устава, допускающего к чтению лиц «известных своими учёными трудами»). Создание ценза было бы необходимо для ординатуры, но её нет и никогда не будет. Мне известно, что М.В. отказался читать лекции и в Педагогическом институте, и на Высших курсах, ссылаясь на свою нервность. Если факультет не подумал приглашать его, когда он был в Петербурге, было бы с его стороны странно начинать это дело, когда М.В. переселился в Москву. Да и приглашать ассириолога выходит за пределы нашего факультета. Начиная это дело, я думал оказать простую справедливость труженнику-идеалисту, первому пионеру у нас древнего Востока, искренне преданному науке, которая, однако, ничего ему не дала, кроме огорчений и разочарований. Я был уверен, что и Вы сойдётесь со мной в желании скрасить последние годы его жизни и, кто знает, м.б. возбудить силы для дальнейших занятий над той же Лихачевской коллекцией или в Московской Восточной Коммиссии. Нас, русских учёных, мало, мы должны крепко держаться друг за друга – и без того кругом нас рады случаю нас опозорить и унижить.

Ваши

Б. Тураев

[СПб АРАН. Ф. 779. Оп. 2. Д. 411. Л. 11–12].

За этими двумя письмами кроется собственный амбициозный проект Коковцова по преподаванию ассириологии. Он хочет открыть своё отделение по этому предмету уже в 1909 г., однако не имеет для преподавания необходимой подготовки. Об этом свидетельствуют материалы архива Коковцова. В нём удалось обнаружить следующее:

Ф. 779. Оп. 3. Д. 54. Университетские студенческие записи. Начало ассириологических занятий (1880–1884). Картотека новоассирийских знаков и слов.

Ф. 779. Оп. 3. Д. 19. Материалы по деятельности в Университете. Л. 124 – начальный курс по ассириологии в цикле древнего мира. 29.11.1928. Л. 125 – элементарный курс ассириологии для 1 курса (2 ч в неделю). Ашшурбанапал, Синаххериб, хрестоматия Делича.

Среди студенческих конспектов Коковцова есть конспекты по еврейскому, сирийскому, арамейскому, арабскому, персидскому языкам. Есть толстая тетрадь лекций по истории Востока. Однако нет ни одного клочка бумаги с лекциями по клинописи и аккадскому. В университете Коковцов этот предмет изучать не мог, и его учитель Д.А. Хвольсон тоже не был в нём специалистом. Однако есть много разнообразных клочков, связанных с самообучением аккадскому. Это: маленькая картотека с новоассирийскими знаками надписи Ашшурбанапала, огромные листы с клинописью призм Ашшурбанапала, выписки из хрестоматии Ф. Делича. В архивном деле эти листочки привязаны к студенческим конспектам 1880–1884 гг., но сами по себе они конспектами не являются и датировать их не удаётся. Ни старовавилонских, ни нововавилонских текстов Коковцов не читал, а в существование шумеров не верил. Да и сам он с удивительной искренностью писал Тураеву в 1910 году о том, что ещё не изучил клинопись основательно:

23.3.1910

Дорогой Борис Александрович!

Обсудив вопрос, о котором мы с Вами беседовали в последний раз у Вас, я пришёл к заключению, что пока взять на себя чтение обязательных лекций на Историко-Филологическом факультете, кроме ассириологии и древнееврейского языка, считаю ещё рискованным в виду необходимости посвящать в настоящее время излишек своего свободного времени и своей энергии на основательное изучение ассиро-вавилонской клинописи. Я убеждён, что ряд обязательных лекций по другим предметам, кроме двух вышепоименованных, отразился бы в самой сильной степени

в настоящее время на моих ассириологических занятиях, которые я ни за что не брошу, не добившись известных осязательных результатов. Я думаю, что проектируемое Вами установление разряда истории и филологии древнего Востока – несомненно, крайне желательное – в интересах нашего самосохранения (я говорю о Вас и себе) лучше отложить до более благоприятного времени, тем более, что и здоровье моё за последние годы немного пошатнулось.

Искренне уважающий Вас

П. Коковцов

[АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 199. Л. 9–10].

Об ограниченности его знаний в области ассириологии и о том, как эта ограниченность мешала обучению студентов, пишет М.В. Никольский в одном из писем к Тураеву. Осенью 1909 г. Коковцов набирает отделение ассириологии, на которое поступают два человека – В.К. Шилейко и будущий коптолог П.В. Ернштедт. На еврейско-сирийско-арабском разряде учат все основные семитские языки, в особенности еврейский и арабский. На академский остаются 2 часа в неделю [Емельянов, 2019, 112]. И уже в 1910–11 гг. начинается то, чего в принципе можно было ожидать, – конфликт Коковцова с его студентом Шилейко и уход Ернштедта от Коковцова. Случай с Ернштедтом до сих пор был нам неизвестен. Считалось, что он с самого начала учился по программе истории греческого языка. Однако Никольский пишет Тураеву следующее: «Ученик П.К. Коковцова, оказавшийся его l'enfant terrible, без сомнений, г. Ернштедт, о котором он мне неоднократно писал, посвящая меня во все подробности проходимых им с оным курсов по ассириологии. По этому делу мне пришлось даже вступить с оным в переписку. Мне показалось, что он взял с оным неправильный курс, продолжая держать его на текстах ассирийских царей и вообще на чистом семитизме после того, как он основательно ознакомился с силлабарием и с языком. Я настаивал на безусловной необходимости вводить его в самую гущу ассириологии, в двуязычные тексты, в чистый сумеризм и в классическую литературу подлинно вавилонского периода как ассирийскую, так и сумерийскую, но он, по-видимому, держится своего курса и сам не идёт вперёд дальше ассирийского семинара и не хочет вести своего ученика. Это тем более печально, что теперь уже немало хороших руководств, благодаря которым талантливый ученик скоро может стать на собственные ноги и самостоятельно дешифровать текст. По-видимому, ученик Коковцова сам прорвал свою скорлупу и сам вылупился в ассириолога. Этого и можно было ждать. Конечно, дерзновению г. Ернштедта можно только радоваться. Хвала этому юноше!» (18.04.1911) [АГЭ. Ф.10. Оп. 1. Д. 253. Л. 66]. Именно из-за неверного курса, взятого Коковцовым, Ернштедт решил уйти от него в область греческого языка, которым ранее занимался его к тому времени покойный отец, академик В.К. Ернштедт. Однако Шилейко уходить было некуда, и он стал искать союзников среди других коллег.

О безоговорочной поддержке его поисков Тураевым свидетельствует целый корпус их переписки. Если письма Тураева к Шилейко, в основном, утрачены, то письма Шилейко сохранились в архиве академика. В том же архиве Тураева хранится и выполненная Шилейко клинопись и транслитерация вотивных гвоздей Гудеа из собрания Н.П. Лихачева, впоследствии изданных в монографии. Видимо, Тураев, сведущий в шумерологии, проверял правильность копирования и чтения клинописных знаков студентом П.К. Коковцова. Шилейко относился к своему благодетелю с полным доверием и уже на втором курсе писал ему, очевидно, после какого-то предложения об ассириологической работе: «Я умудрился принять почти за обещание Ваши слова о работе вавилонско-ассирийского характера и теперь усиленно мечтаю об этом. И если бы Вы знали, как окрыляют эти мечты о первой самостоятельной работе! Я весь живу в моих семитических занятиях, профессор, и Вы доставили бы мне несказанную радость, если бы действительно помогли осуществлению моих стремлений. Знаний у меня, быть может, ещё не особенно много, но ведь знания и достигаются работой, а в этой области я никакого труда не боюсь. Что я весьма усерден в ассириологии и достиг в ней кое-каких – маленьких, правда – успехов – подтвердит Вам, я надеюсь, даже такой труднопроницаемый человек, как профессор Коковцов. А на эту, самостоятельную, работу я положу все свои силы. И потому, профессор,

если Вам только не трудно, доставьте маленькому человеку большую радость!» (28.01.1911) [АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 360. Л. 1]. При этом студент Шилейко отваживается на маленькую хитрость. Он просит Тураева написать его отцу об успехах сына: «Если Вы мной уже немного довольны, профессор, то, может быть, Вы об этом напишете моему старому отцу? 4-го марта его именины, и мне очень бы хотелось обрадовать его чем-нибудь!» (02.03.1911) [АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 360. Л. 2.]. Забавно, что вскоре Тураев получит благодарственную открытку от отца Шилейко, петергофского уездного исправника, который напишет: «Несказанно польщён любезным Вашим письмом и лестным отзывом о моём сыне студенте Владимире Шилейко. Здоровье его действительно не особенно завидное, но доктор надеется, что он должен окрепнуть и поправиться, так как ничего серьёзного у него не находит. Приношу глубочайшую благодарность за высокое внимание» (06.03.1911) [АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 361. Л. 1]. В дальнейшем, будучи отчисленным из университета, Шилейко неоднократно обращался к Тураеву с просьбой найти для него работу. Он также посылал ему свои статьи для научных журналов и переводы музейных памятников [АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 360. Л. 3–5]. До конца своих дней Тураев был покровителем своего ученика. Недавно нам довелось опубликовать представление на присуждение В.К. Шилейко большой серебряной медали Русского Археологического Общества за монографию «Вотивные надписи шумерийских правителей», написанное Б.А. Тураевым в 1915 г. [Емельянов, 2019, 168–170]. А осенью 1917 г., по прибытии Шилейко из армии, Тураев выхлопотал для него место библиотекаря в Московском музее изящных искусств, о чём известно из открытки хранителя музея Н.А. Щербакова [АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 372. Л. 42].

Конфликт между Шилейко и Коковцовым вызвал множество писем М.В. Никольского к Тураеву. Из них понятно, что он хочет во что бы то ни стало погасить конфликт и от всей души досадует, что Шилейко отказывается от учёбы у такого квалифицированного семитолога, как Коковцов: «Мне кажется, что борьба между Шилейко и Коковцовым есть такого рода аномалия, которая должна прекратиться; пожар надо тушить. Конечно, нельзя не посетовать на П.К. за его формализм и бессердечие, но и жалобы и протесты Шилейко, его решение уйти из университета или перейти на филологический факультет, это всё проявление болезненного самолюбия, близкого к безумию. Уже сейчас он попал в число “вечных” студентов, а известно, что они никогда не кончают курса <...> всё-таки ему придётся или вновь записаться на арабско-еврейское отделение, или собственными силами пополнять недостатки знаний по семитологии, а что значит не пройти этой школы и учиться самому, я могу судить по себе, ибо всё моё неудачничество в жизни и в науке выросло от этого. Будь он рассудительным, он давно бы понял громадную для себя пользу в Коковцове и выжал из него все его соки. И так всё это легко и доступно, все эти Коковцовы и арабисты Университета. Неужели он воображает, что ему у них нечему учиться?» [АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 253. Л. 3, 5]. Никольский даже наносит личные визиты Коковцову с целью уладить конфликт: «Вообще я очень доволен, что мне необычайно успешно пришлось провести время, и здоровье моё, по-видимому, нисколько не пострадало от усиленных занятий в непривычной обстановке и от некоторых тревожений, вызванных тяжёлой драмой, героями которой являются П.К. Коковцов и В.К. Шилейко. У Коковцова я провёл целиком три вечера (от 5 до 10 ч. каждый). Это мученик своего прямолинейного характера и <...> одиночества. Шилейко следовало бы спасти от грозящего ему исключения. Ему следует временно прекратить своё шествие по верхам ассириологии и спуститься на самое дно университетской науки, в которой он, по-видимому, мало успел, судя по отзывам Коковцова. Н.П. Лихачев хорошо сделает, если временно закроет для него доступ к сокровищам и отберёт начатые работы. Это грозит ему физической или по крайней мере духовной смертью» (27.02.1913) [АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 253. Л. 107–108]. Никольский пишет и Шилейко; он советует ему издать некоторые таблички из собрания Лихачева в Германии и сообщает Тураеву, что посредником в этом деле взялся быть Н.П. Лихачев [АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 253. Л. 86–87]. Однако, получив напечатанные статьи Шилейко, он вновь впадает в уныние: «В только что полученном мною N 3 Orientalische Literaturzeitung оказалась статья Шилейко о письме Хаммурапи из

Эрмитажа. находка интересная и выступление Шилейко весьма удачно. Наверно, это и должно было составить предмет его сообщения, назначенного в одном из заседаний Р. Археол. Общества, но не состоявшегося благодаря протесту П.К. Коковцова (так, по крайней мере, было сообщено в газетах). Конечно, за Шилейко можно было только радоваться, но <...> как бы это не поощрило Шилейко к усилению его преследований своего учителя, виновного в том, что он требует от него основательного знания спряжений еврейских глаголов <...> Признаться, меня всё это смущает, ибо мне жаль и того, и другого, и тот и другой дороги для моего сердца. Но чем всё это кончится? “Кто устоит в неравном споре”? Мне бы казалось, что ассириологу Шилейко несколько не обидно быть учеником такого опытного семитолога, как Коковцов» (08.03.1914) [АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 253. Л. 118–119].

Шилейко был отчислен из университета за неуплату 25 рублей, приказ об этом вышел 27 февраля 1914 г. А что же Коковцов? Лишившись в 1914 г. единственного ученика, он мечтает возобновить ассириологию. Только теперь, с учётом начавшейся мировой войны, он подводит под это политическую базу. Сохранился черновик письма Коковцова, в котором он обосновывает необходимость российской ассириологии скорым захватом у османов северной части Ирака и Закавказья. Адресат письма – Евграф Петрович Ковалевский-младший, товарищ председателя комиссии народного образования Государственной Думы. Коковцов пишет на самый верх, надеясь таким образом пробить кафедру ассириологии и семитологии. Все сокращения авторские.

М.Г.

28 ноября 1916 г.

Евграф Петрович,

Позволяю себе обратиться к Вам, как к члену нашей Государственной Думы и защитнику в ней интересов русского просвещения, по следующему поводу. В представленном в ноябре месяце текущего года на рассмотрение Г.Д. проекте нового Устава И.Р. Университетов в перечне кафедр, полагающихся по новому уставу на Ф.В.Я. И.П.У. (см. параграф 63 нов. Устава), отсутствует, вопреки современному официальному ходатайству об этом (19 окт. 1915 г.) Ф.В.Я. по моему представлению, кафедра семитской филологии и ассириологии, между тем как в указанный перечень кафедр были включены некоторые другие кафедры, о которых одновременно ходатайствовал Ф. в упомянутом представлении 19 окт. 1915 г., а именно кафедра египтологии и кафедра горских языков Кавказа. Так как никоим образом нельзя предполагать, что кафедра ассириологии, одной или с семитской филологией, может быть признана с государственной или научной точки зрения менее важной в системе русского университетского преподавания, чем напр. кафедра египтологии, находящая место в новом уставе, то её опущение в том же уставе должно объясняться, без сомнения, каким-либо недоразумением. Ввиду того, что в данный момент, когда новый университетский устав внесён на рассмотрение высших законодательных учреждений, дело могло бы быть поправлено уже только при обсуждении нового устава в Г.Д., представлялось бы крайне желательным, при обсуждении данного вопроса в соответствующей комиссии Г.Д., указать на допущенную в новом уставе несправедливость в отношении к семитологии и ассириологии. В качестве лица, особенно заинтересованного в настоящем деле и как семитолога и как преподавателя ассириологии в И.П.У., я решаюсь обратиться к В. с усердной просьбой защитить в Г.Д. интересы обойдённой в новом уставе русских университетов кафедры, будучи твёрдо уверен, что оказанная Вами поддержка в состоянии будет повлиять на благоприятное для русских научных интересов перерешение дела. Здесь нет необходимости распространяться о важности такой, общепризн. научного значения, дисциплины, как ассириология, которая в настоящее время представлена спец. кафедрами во всех крупн. государств. научн. центрах З.Е. и, казалось бы, соответственно великодержавному достоинству России, уже давно должна была бы иметь для себя также особую каф. хотя бы в одном из столичных русск. университетов. Достаточно указать, что нет такой области в истории изучения прошлых судеб переднезиатского Востока – касается ли дело политич. истории или истории религиозн. верований,

археологии, этнографии или лингвистики, хронологии или метрологии, – где бы сравнительно молодая ассириол. наука не оказала существенной поддержки своими ценными данными исследователям и не повлияла в сильнейшей степени на прогресс наших исторических и филологических знаний в области древнего Востока. Уместно также напомнить, что некоторые данные ассириологии, как напр., находка древнейшего законника человечества (кодекса вавил. царя Хаммурапи, около 2000 г. до Р.Х.) или же знаменитая поэма о Гильгамеше с её всемирно-историческим сказанием о потопе, так близко соприкасающимся с библ. повествованием, уже нашли себе место в наших учебниках и знакомы не только каждому русск. образованному человеку, но и любому школьнику. Услуги, оказываемые ассириологией библеистике, в частности, библейской археологии и хронологии и филолог. истолкованию В.З., вообще так ценны и огромны, что научное преподавание библеист. дисциплин не может считаться полным при отсутствии специально примыкающей к библеистическим кафедрам или к кафедрам евр. яз., кафедры, посвящённой ассириол. науке. Ввиду неразрывной связи ассириологии с семит. лингвистикой, эту кафедру представлялось бы целесообразным именовать кафедрой семитской филологии и ассириологии.

Ко всему сказанному следует присоединить, что для нас, русских, ассириология – в противоположность, напр., египтологии – помимо чисто научного значения имеет ещё свой особый, так сказать, национально-государственный интерес, так как уже теперь наши границы входят в район распространения клинописных текстов и наше Закавказье захватывает пределы древнего царства Урарту (в Библии – Арарат) с его клинописными несемитическими памятниками, ключом к чтению которых, прежде всего, конечно, является знакомство с семитической ассириовавил. клиноп. системой. Ещё сильнее этот интерес к странам древнего Востока, соприкасающимся с нашими политич. границами, должен будет сказаться, когда после окончания великой европейской войны эти границы, чего следует ожидать, раздвинутся и обстоятельства времени предоставят в нашу власть такие богатые культурно-историч. прошлым центры, как Ванская область с остатками резиденции урартийских царей близ города Вана, или же местности у Мосула с лежащими около этого города развалинами древней ассир. столицы, знаменитой Ниневии, и таким образом поставят нас, м.б., лицом к лицу с памятниками самих семитских создателей древней ассиро-вавил. культуры.

В заключение не могу не упомянуть, что дешифровка клинописи, наряду с дешифровкой егип. иероглиф. письма, представляет одно из самых замечательных и блестящих проявлений чело. гения за всю долголетнюю историю человечества. Было бы стыдно за Россию, если бы и та и другая из соответств. наук, которыми справедливо может гордиться чело. разум, не получили полного признания и права гражданства, как самодовлеющие науки, в системе нашего универс. преподавания. Примите уверения в моём глубочайшем и совершенном почтении

Орд. акад. И.А.Н.

П.К.

[СПб АРАН. Ф. 779. Оп. 3. Д. 19. Л. 79–80].

Итак, Коковцов верен себе. Ни строчки о важности юга Месопотамии, о шумерском письме. Только северное Двуречье и зависимое от него Закавказье. Следует добавить, что в препаратах Коковцова к курсам ассириологии удалось найти только тексты, написанные новоассирийским пошибом. Никаких других более ранних видов клинописи он не знал и в обучении не использовал. Если бы он знал хотя бы старовавилонское письмо, то вынужден был бы признать его происхождение от шумерского.

Нечто подобное годом раньше пишет Тураеву и Никольский: «В самом деле, с перенесением театра войны в европейскую и азиатскую Турцию и с началом наших успешных в ней операций для нашей науки неожиданно открываются новые необъятные горизонты, мысль о которых способна волновать и такого устаревшего и уставшего энтузиаста Востока, как я. Не сегодня-завтра мы овладеем всей территорией Ванского царства, этих халдов, оставивших нам столько чудных памятников, а наши друзья англичане уже подвигаются к Багдаду, и пройдут неделя-другая, и вся

Месопотамия с памятниками древних культур человечества будет в руках наших друзей, готовых с нами делиться своими завоеваниями. Наступит очередь и Сирии, и Палестины... Немцы отовсюду будут изгнаны, и их учёные граншеи будут или в нашем владении, или во владении наших друзей» [АГЭ. Ф. 10, Оп. 1. Д. 253. Л. 126–127; Ключков, 2006, 352–353].

Как беззастенчиво и бесстыдно! Однако если Никольский уповает на англичан, то Коковцов и вовсе говорит о раздвижении границ имперского интереса России до самого северного Ирака. Этим планам не суждено было осуществиться.

После революции Тураев предпринимает новую попытку создать в Университете кафедру Древнего Востока. Коковцов пытается навязать ему свои услуги и убеждает создать третье направление, чтобы контролировать ситуацию и на историко-филологическом факультете.

17.6.1918

Дорогой Борис Александрович,

Я разыскал после Вашего ухода Ваш старый проект, о котором я Вам говорил, и препровождаю его Вам при сём на всякий случай. По вопросу о подразделениях вновь проектируемого на Вашем факультете Отдела Древнего Востока я не успел с Вами вчера переговорить. Не ограничиться ли пока только двумя главными группировками: 1) Египет и 2) Вавилон и месопотамская культура? Или следовало бы ввести ещё третью группировку под рубрикой: Сиро-финикийский мир и евреи? Мне кажется, что с точки зрения историка Востока история сирийских стран (включая и евреев) не может представлять самодовлеющей величины и, так или иначе, входит в историю обоих господствующих, упомянутых выше, культурных миров древнего Востока. Вообще мне думается, что специализация (и соответственная бифуркация и т.д.) должна быть проведена на Отделе древнего Востока с особой осторожностью. Из семитических языков, которые представлялось бы необходимым ввести на Отделе, я стоял бы теперь, после нового размышления об этом, за ассиро-вавилонский, еврейский и библейско-арамейский (или же сирийский). Арабский язык можно было бы ввести, вместо одного из арамейских, только для чисто лингвистической группы Отдела. Для историков древнего Востока и древневосточных литератур знакомство с каким-либо арамейским языком, безусловно, важнее. Изучение арамейского языка можно было бы, по моему мнению, поставить в связь с изучением соответствующих арамейских эпиграфических памятников. Этот предмет можно было бы назвать: «Арамейский язык и древности» и параллельно этому ввести рубрику: «Финикийский язык и древности». Многие памятники древнееврейской эпиграфики (как и надпись Меши) можно было бы включить в особый предмет: библейские древности (или: библейская археология и т.п.), введение которого представлялось бы, по моему мнению, на Отделе желательным. Сообщаю Вам все эти свои соображения, само собой разумеется, просто к сведению, так как заранее присоединяюсь, как я уже Вам сказал, к той программе, которую Вы найдёте нужным составить для Отдела. Охотно готов, конечно, ещё переговорить о разных деталях дела и, пока не уехал на дачу, всегда для этого в Вашем распоряжении.

Искренне уважающий Вас

П. Коковцов

[АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 199. Л. 17–18].

В очередной раз проект Коковцова проваливается. А впоследствии Историко-филологический факультет и Факультет восточных языков расформируются, и вместо них новая власть создаёт Факультет языка и материальной культуры. Именно здесь впервые появляется отделение ассириологии, и его профессором становится В.К. Шилейко, обучившийся шумерологии в переписке с французскими ассириологами и в работе с табличками из собрания Н.П. Лихачева.

Представим себе, что амбиции Коковцова остановлены. Тураев не сдаётся и отказывает Коковцову. Шумеролога Никольского избирают доктором всеобщей истории и делают профессором ассириологии в Петербурге. К Никольскому поступает студент Шилейко и спокойно учит у него шумерологию. Потом он оканчивает университет и остаётся работать на той же кафедре. Тогда не было бы никакого конфликта.

Существовал бы тройственный союз Никольского, Шилейко и Лихачева на отделении ассириологии при покровительстве Тураева. Спокойное, органичное развитие науки. И, кстати говоря, тогда с отделения не ушёл бы Ернштедт.

Но увы – этого не могло произойти. Потому что Коковцов в случае отрицательного ответа Тураева добился бы неизбрания Никольского в почётные доктора. Уступка Тураева пролила бальзам на его сердце, и сразу после получения письма от 13 ноября 1908 г. он написал любезнейший ответ:

13.11.1908

Дорогой Борис Александрович!

От души благодарю Вас за последнее Ваше письмо, которое окончательно рассеяло все мои опасения, возникшие в виду предполагаемого избрания М.В. Никольского в почётные доктора всеобщей истории. Я очень рад, что могу ещё раз, и с гораздо большей решительностью, подтвердить выраженную в моём первом письме готовность поддержать Ваше соответствующее предложение. Я это сделал тем охотнее, что сам имел в виду предпринять кое-что для М.В. Никольского, потому что вполне разделяю Ваши золотые слова: “мы, русские, должны крепко держаться друг за друга”. Я прибавил бы ещё поэтому: “и поддерживать прежде всего друг друга”.

Искренне уважающий Вас

П. Коковцов

[АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 199. Л. 6; Клочков, 2006, 349–350].

Как будто не избранный в профессора Никольский был немец!

И ассириология в России пошла окольным путём. В 1919 г. Шилейко был избран профессором Археологического института, где его учеником в области ассириологии и шумерологии стал А.П. Рифтин. В 1922 г. Археологический институт был слит с Петроградским университетом, и до 1929 г. Шилейко готовил ассириологов в главном университете города. В эти же годы Рифтин учил у Коковцова семитские языки. В 1929 г. Шилейко и Коковцов одновременно были отстранены от работы в Ленинградском университете в связи с сокращением штатов и программ. А в 1933 г. А.П. Рифтин при поддержке С.М. Кирова организовал там кафедру семито-хамитских языков и литератур, на которой учились И.М. Дьяконов и Л.А. Липин [Каплан, 2015, 97–98].

Итак, Коковцову не удалось создать ассириологическую школу³. Существование шумеров было многократно доказано западными специалистами, а он вынужден был признать поражение Галеви, ставшее его собственным поражением в науке, и даже представлял в 1920-е гг. работы Шилейко для печати в изданиях Академии наук. Однако молодое поколение чтит его как первого преподавателя ассириологии. Дьяконов не забыл Коковцова и прислал ему чудесное, полное уважения и почтительности письмо.

Предыстория его такова. А.Я. Борисов, любимый ученик Коковцова, передал учителю две статьи Дьяконова, одна из которых была посвящена проблеме возникновения письма в Двуречье. Коковцов написал Дьяконову письмо, должно быть, хранящееся в архиве Дьяконова. В архиве Коковцова есть только карандашный черновик. Из него понятно, что речь идёт о протошумерских табличках из Урука. Коковцова и за полгода до смерти продолжает интересоваться вопросом, существовал шумерский язык или нет. Дьяконов отвечает необыкновенно почтительным письмом, в котором заодно консультирует 79-летнего академика по поводу новых изданий пиктографических текстов. Это март 1941 года. Через несколько месяцев один – 26-летний – уйдёт на фронт, а второй – 80-летний – умрёт в блокадном Ленинграде. И так удивительно, что состоялась эта эпистолярная связь ассириологического правнука с прадедом через головы Шилейко и Рифтина.

02.03.1941

Ленинград 14,

Советский просп. 30 кв. 8

И.М. Дьяконов

Глубокоуважаемый Павел Константинович!

Я был необыкновенно тронут Вашим любезным письмом и тем, что от Вашего имени передал мне А.Я. Борисов. Мне очень приятно сознавать, что Вы прочли

мои работы и нашли в них кое-что небезынтересным. Я прекрасно сознаю большие недостатки, которые в них есть, и поэтому Ваше слово поощрения для меня особенно ценно. Читая Ваше письмо, я очень живо почувствовал, что иду по пути не только моих учителей и их учеников, ныне здравствующих, но и их предшественников, которые до сего времени были для меня лишь именами, книгами, по которым я учился. Я надеюсь, что если в моих работах многое спорно, то это такая спорность, которая не ведёт к заблуждению, а способствует движению научной мысли, а если в них многое слабо, то эту слабость можно будет преодолеть с приобретением большей зрелости.

Если Вас интересует книга Фалькенштейна «*Archaische Texte aus Uruk*», то я постараюсь её найти для Вас; до недавнего времени она существовала в Ленинграде только в частных руках, но, может быть, она теперь получена и в каком-нибудь из научных учреждений. В ней Вы найдёте полную сводку всего, что в настоящее время известно о пиктографических памятниках Месопотамии. Среди них главное место занимают три больших архива – из Ура, Урука и Джемдет-Насра (около Киша); первый из этих архивов даёт формы знаков, уже переходные к клинописи. Число таблесток с пиктографическими знаками, известных в настоящее время, – около полутора тысяч, и если бы не начавшаяся война, мы вероятно скоро получили бы ещё более древние памятники. Но от их расшифровки мы, кажется, почти также далеки, как 40 лет назад. В этом отношении младшее поколение ничем не может похвалиться перед старшим.

Если у Вас, как Вы пишете, до сих пор бережно хранится экземпляр работы М.В. Никольского, как воспоминание о Ваших первых шагах в науке, то так же, я надеюсь, я сохраню Ваше письмо, – привет и поощрение молодому поколению от человека, которому наряду с М.В. Никольским принадлежит заслуга перенесения ассириологической науки на почву нашей страны.

С глубоким уважением и преданностью

И. Дьяконов

[СПб АРАН. Ф. 779. Оп. 2. Д. 115. Л. 1–2].

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ «Изучение религии в социокультурном контексте эпохи: история религиоведения и интеллектуальная история России XIX – первой половины XX в.», проект № 16-18-10083

Acknowledgement

The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 16-18-10083 “Study of religion in the socio-cultural context of the era: the history of religious studies and the intellectual history of Russia in the 19th-first half of the 20th century”

Библиографический список

1. Архив Государственного Эрмитажа (АГЭ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 199.
2. Архив Государственного Эрмитажа (АГЭ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 253.
3. Архив Государственного Эрмитажа (АГЭ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 360.
4. Архив Государственного Эрмитажа (АГЭ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 361.
5. Архив Государственного Эрмитажа (АГЭ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 372.
6. Емельянов, В.В. Струве как историк месопотамской религии. Часть 2 / В.В. Емельянов // Религиоведение. – 2016. – № 4. – С. 111–121.
7. Емельянов, В.В. Письма Б. Мейснера к В.К. Шилейко / В.В. Емельянов // Письменные памятники Востока. – 2017. – № 14/1. – С. 77–90.
8. Емельянов, В.В. Работы В.К. Шилейко по истории месопотамской религии / В.В. Емельянов // Религиоведение. – 2017. – № 4. – С. 154–171.
9. Емельянов, В.В. Религия Древней Месопотамии в работах российских востоковедов и фольклористов (1859–1950) / В.В. Емельянов // История религиоведения и интеллектуальная история России XIX – первой половины XX века. Архивные материалы и исследования / В.В. Емельянов / Отв. ред. М.М. Шахнович, Е.А. Терюкова. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2018. – С. 27–57.

10. Емельянов, В.В. Вольдемар Казимирович Шилейко. Научная биография / В.В. Емельянов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2019. 448 с.
11. Каплан, Г.Х. Александр Павлович Рифтин (1900–1945). Автобиография, письма, другие материалы к биографии / Г.Х. Каплан. – СПб., Контраст, 2015. – 203 с.
12. Клочков, И.С. Письма русских учёных Б.А. Тураеву / И.С. Клочков // Христианский Восток. Новая серия. Издание РАН и Гос. Эрмитажа. – М.: Индрик, 2006. – Т. 4 (10). – С. 349–360.
13. Санкт-Петербургский Архив Российской Академии наук (СПб АРАН). Ф. 779. Оп. 2. Д. 115.
14. Санкт-Петербургский Архив Российской Академии наук (СПб АРАН). Ф. 779. Оп. 2. Д. 297.
15. Санкт-Петербургский Архив Российской Академии наук (СПб АРАН). Ф. 779. Оп. 2. Д. 411.
16. Струве, В.В. П.К. Коковцов как ассириолог // Эпиграфика Востока. – 1953. – № 8. – С. 3–9.
17. Тураев, Б.А. Занятия египтологией и ассириологией в Берлине / Б.А. Тураев // Журнал Министерства народного просвещения. – 1894. – № 294 (июль). – С. 12–25.
18. Тураев, Б.А. О двух клинописных табличках музея церковно-археологического общества при Киевской Духовной академии / Б.А. Тураев // Записки Восточного отделения (Императорского) Русского археологического общества. – 1901. – № 13. – С. 008–015.
19. Vingt-quatre tablettes cypariotiennes de la collection W. Golénischeff. – SPb., 1891. – 134 p.

Текст поступил в редакцию 20.04.2020.

Принят к публикации 01.07.2020.

Опубликован 08.10.2020.

¹ Подробнее о взглядах Коковцова на шумерскую проблему см.: [Струве, 1953; Емельянов, 2019, 112–116].

² Здесь и далее письма воспроизводятся с сохранением авторских подчёркиваний.

³ Однако в его архиве сохранились списки слушателей домашнего курса поначальному аккадскому языку, который он читал в 1923–1928 гг. для египтологов и семитологов. Из ассириологов его курс слушал только Рифтин. Ещё раньше аккадский язык учил у Коковцова В.В. Струве, тоже, впрочем, бывший тогда египтологом [Емельянов, 2019, 116].

References

1. *Arhiv Gosudarstvennogo Jermitazha* [Archive of the State Hermitage Museum]. Fund 10. Inventory 1. File 199 (in Russian).
2. *Arhiv Gosudarstvennogo Jermitazha* [Archive of the State Hermitage Museum]. Fund 10. Inventory 1. File 253 (in Russian).
3. *Arhiv Gosudarstvennogo Jermitazha* [Archive of the State Hermitage Museum]. Fund 10. Inventory 1. File 360 (in Russian).
4. *Arhiv Gosudarstvennogo Jermitazha* [Archive of the State Hermitage Museum]. Fund 10. Inventory 1. File 361 (in Russian).
5. *Arhiv Gosudarstvennogo Jermitazha* [Archive of the State Hermitage Museum]. Fund 10. Inventory 1. File 372 (in Russian).
6. Emel'janov V.V. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2016, no. 4, pp. 111–121 (in Russian).
7. Emel'janov V.V. *Pis'mennye pamjatniki Vostoka* [Written Monuments of Orient]. 2017, no. 14/1, pp. 77–90 (in Russian and German).
8. Emel'janov V.V. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2017, no. 4, pp. 154–171 (in Russian).
9. Emel'janov V.V. *Istorija religiovedenija i intellektual'naja istorija Rossii XIX – pervoj poloviny XX veka. Arhivnye materialy i issledovanija* [History of the Study of Religion and Intellectual History of Russia in the 19th – first half of the 20th centuries. Archive Materials and Studies]. Eds. M.M. Shahnovich, E.A. Terjukova. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2018, pp. 27–57 (in Russian).
10. Emel'janov V.V. *Vol'demar Kazimirovich Shilejko. Nauchnaja biografija* [Woldemar Georg Schileico. Academic Biography]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2019 (in Russian).
11. Kaplan G.H. *Aleksandr Pavlovich Riftin (1900–1945). Avtobiografija, pis'ma, drugie materialy k biografii* [A.P. Riftin (1900–1945). Autobiography, letters, other materials for biography]. St. Petersburg, Kontrast, 2015 (in Russian).
12. Klochkov I.S. *Hristianskij Vostok* [Christian Orient]. Moscow: Indrik, 2006, vol. 4 (10), pp. 349–360 (in Russian).
13. *Sankt-Peterburgskij Arhiv Rossijskoj Akademii nauk* [St. Petersburg Archive of Russian Academy of Sciences]. Fund 779. Inventory 2. File 115 (in Russian).
14. *Sankt-Peterburgskij Arhiv Rossijskoj Akademii nauk* [St. Petersburg Archive of Russian Academy of Sciences]. Fund 779. Inventory 2. File 297 (in Russian).

15. *Sankt-Peterburgskij Arhiv Rossijskoj Akademii nauk* [St. Petersburg Archive of Russian Academy of Sciences]. Fund 779. Inventory 2. File 411 (in Russian).
16. Struve V.V. *Jepigrafika Vostoka* [Epigraphy of the Orient]. 1953, no. 8, pp. 3–9 (in Russian).
17. Turaev B.A. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija* [Ministry of Education Journal]. 1894, no. 294 (July), pp. 12–25 (in Russian).
18. Turaev B.A. *Zapiski Vostochnogo otdelenija (Imperatorskogo) Russkogo arheologicheskogo obshhestva* [Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society]. St. Petersburg, 1901, no. 13, pp. 008–015 (in Russian).
19. *Vingt-quatre tablettes cappadociennes de la collection W. Golénischeff* [24 Tablets from Cappadocia from W. Golenischeff's Collection]. St. Petersburg, 1891, 134 p. (in French).

Submitted for publication: April 04, 2020.

Accepted for publication: July 01, 2020.

Published: October 8, 2020.